

среду, в которой они должны думать, коммуницировать и принимать решения; обеспечивают более свободную атмосферу в аудитории, ввиду чего у студентов повышается мотивация к изучению иностранного языка и развивается множество важных компетенций, в том числе, умение убеждать, вербально и невербально воздействуя на аудиторию.

И. В. Дмитриева, Г. Б. Жураева

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ МЕНАСИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Изучение иностранных языков, особенно на профессионально ориентированном уровне, всегда неразрывно связано с изучением национально-языковых культур. Влияние национально-культурных особенностей на способы языкового представления информации оказывается в центре внимания разнообразных контрастивных, сравнительно-сопоставительных исследований. Результаты таких исследований все чаще инкорпорируются в учебные программы сферы языкового образования. Выявляемые отличия могут относиться к самым разным уровням языковой системы, проявляются в организации лексических и грамматических подсистем языка, но особенно ярко они выражены в сфере речевого взаимодействия, которая во многом предопределяется языковой картиной мира конкретного языкового сообщества.

Объектом представляемого исследования являются высказывания менасивной семантики и их использование в речи носителей англоязычной, русскоязычной и туркменоязычной культур.

Прежде всего, на себя обращает внимание то, что уже на уровне концептуализации угрозы представления о ней отличаются у носителей английского, русского и туркменского языков. Об этом свидетельствуют результаты анализа словарных дефиниций глагола *угрожать* в указанных языках. Использование словарных дефиниций связано с лингвистическими представлениями о том, что в словарной дефиниции находят свое отражение основные элементы национально-языковой картины мира.

Словарные дефиниции ядерного английского глагола *threaten* со значением 'угрожать' позволяют выявить три аспекта англоязычных представлений об угрозе. Рассмотрим к примеру две дефиниции: «to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want» (Longman English Dictionary) и «If a person threatens to do something unpleasant to you or if they threaten you, they say or imply that they will do something unpleasant to you, especially if you do not do what they want» (Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners). Во-первых, в обеих дефинициях находит свое отражение речеактовый характер угрозы (*to say, they say*), предполагающий наличие адресата и адресанта угрозы. Во-вторых, угроза предстает как сложный речевой акт, имеющий две составляющие: экспликацию комиссива – обещание причинить вред, и формулировку директива – требования, выдвигаемого адресантом к адресату. В-третьих, показано присутствие в языковом сознании носителей английского языка понимания причинно-следственных

отношений комиссива и директива, а также их темпоральной соотнесенности. Кроме того, в дефиниции словаря Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners находит свое отражение и такая характеристика угрозы, как ее возможный имплицитный характер.

Русские дефиниции глагола *угрожать* включают такие толкования, как «предупреждать с угрозой о чем-то», «предвещать (что-нибудь плохое, опасное, неприятное)», «о чем-нибудь плохом: предстоять». Например, в Словаре русского языка С. И. Ожегова глагол *угрожать* имеет следующую словарную дефиницию: «произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-то; предупредить с угрозой о чём-то». Как видно, в русской лингвокультуре речеактовый характер угрозы также присутствует в понимании данного явления, однако не ограничивается им. Позиции адресанта и адресата, составляющие речевого акта угрозы (комиссив и директив), а также причинно-следственные связи действия адресата и адресанта не имеют такого четкого, эксплицитного представления, как в английском языке. При этом темпоральная характеристика – отнесенность действия, составляющего угрозу, к будущему времени – сохраняется.

В анализ материала туркменского языка включены два глагола, так как они представляют два несколько отличающихся действия, связанных с угрозой, но при этом имеют одинаковый перевод на русский язык. Туркменский глагол *howp salmak* ‘угрожать’ имеет дефиницию «Gorky, wehime salmak, gorkuly ýagdaý döretmek» ‘внушать панический страх, жуть, наводить/создавать пугающее состояние’, а глагол *haýbat atmak* ‘угрожать’ понимается как «Dazarylyp birini gorkuzjak bolmak, abaý etmek» ‘пугать угрозами’. Как видно, отмеченные для английского и русского языков характеристики угрозы в этих дефинициях практически не отражены. Основой понимания угрозы является эмоционально-воздействующий аспект менасива, а не причинно-следственные характеристики действий адресанта и адресата.

Обобщая этот этап исследования, можно отметить, что в английской лингвокультуре представлено четкое разделение двух составляющих угрозы (комиссива и директива), только английская дефиниция показывает, что прагматическая составляющая, директив, выводится на поверхность языкового сознания носителей языка. Она предполагает некоторый паритет участников коммуникативной ситуации угрозы, когда адресат может повлиять на действия адресанта. В русской лингвокультуре угроза понимается скорее как некая констатация, информирование о чем-нибудь «плохом, опасном, неприятном», что может произойти в будущем и не связывается непосредственно с действиями адресата. В туркменской – это психоэмоциональное воздействие на адресата, от которого ожидается скорее психоэмоциональная реакция, чем какое-либо действие.

На следующем этапе материалом исследования стали высказывания менассивной семантики, извлеченные из литературных произведений на английском, русском и туркменском языках.

В высказываниях со значением угрозы комиссивная и директивная составляющие, представляющие собой 2 центра, вербализуются в речи персонажей всех трех лингвокультур. Директивная составляющая является

прагматическим центром угрозы; это то, чего адресант хочет добиться от адресата угрозы. Комиссивная – это семантический центр, собственно обещающий причинить вред. В высказывании *If you do not leave this house at ten o'clock, I will call the police* директивом является требование покинуть дом. Семантическое ядро, т.е. обещание причинить вред, которое и понимается как собственно угроза, представлено в главном предложении этого сложноподчиненного предложения. Сложноподчиненные предложения с придаточным предложением условия являются наиболее типичной синтаксической структурой высказываний менассивной семантики. Наряду с ними встречаются сложносочиненные предложения с разделительной связью. Например, *Keep your hands off our men, mistress; or I will have you pitched into the harbor, though you were as strong as ten men*. Достаточно частотной является и цепочка простых предложений, которые в своей совокупности вербализуют составляющие менассивного высказывания. Кроме того, в речевых употреблениях одна из двух составляющих может отсутствовать. В этом случае ее понимание достигается за счет обращения к более широкому контексту, в том числе и к контексту ситуации в целом.

Аналогичные синтаксические структуры встречаются и в выборке из русскоязычных и туркменских литературных источников. Например, *Сейчас ты едешь, как я тебе говорю, не пытаешься сбежать или устроить скандал. Если все проходит нормально, я тебя отпускаю. Вместе с твоей колымагой. Если нет, я тебя убью. Понял?* Или *Saňa iki aý möhlet berýän. Muhtara “bes, el çek” diýip hat ugradarsyň. Eger ol pitnäni terk etmese, men seni öldürerin, soňra ony dep etmäge ýüz öwrerin.* – ‘Даю тебе два месяца. Отправишь Мухтару письмо, в котором будет написано, что «хватит, перестань». Если он будет продолжать интригу, то я тебя убью, а потом сделаю все, для того чтобы он исчез’. Интересно, что материал туркменской литературы показал менее частотное использование высказываний менассивной семантики. Но если туркменский литературный персонаж обращается к угрозе, то это обещание причинить максимальный физический вред, угроза жизни. В то время как в русско- и англоязычной выборке обещание причинить вред имеет широкий диапазон социальных и физических действий адресанта.

Таким образом, в межличностной речевой коммуникации высказывания менассивной семантики содержат два компонента, директив и комиссив, каждый из которых может быть представлен либо эксплицитно, либо имплицитно. При этом прагматическая цель угрозы – не желание причинить вред, а попытка добиться определенных действий адресата – не включается в словарные дефиниции русских и туркменских лексических единиц. В русскоязычной и туркменоязычной лингвокультуре прагматическое ядро угрозы, директив, проявляется только в речевом общении, а словарные дефиниции фокусируются на семантике угрозы. Последнее можно связать либо с особенностями представлений об угрозе в национально-языковой картине мира либо с традициями лексикографических описаний, которые могут фиксировать или исключительно семантику единицы или включать в себя более широкое понимание, отражающее прагматику лексической единицы.